

О Милюкове без помпы

Иван Толстой: Недавно в Москве в Доме Русского Зарубежья состоялся трехдневный коллоквиум, названный "Мыслящие миры российского либерализма" и посвященный жизни и творческому наследию историка Павла Николаевича Милюкова. Рабочая атмосфера ученых встреч была подчеркнута этим скромным "коллоквиум" в противоположность помпезным "конференциям" и "конгрессам".

Историк, политик, лидер кадетской партии Милюков родился в Москве в 1859 году, окончил Московский университет, получил премию историка Сергея Соловьева, встречался и дискутировал со Львом Толстым. Его увольняли из университета за "вредное влияние на молодёжь", ссылали в Рязань, он уезжал преподавать за границу, возвращался, его арестовывали и осуждали на 6 месяцев тюрьмы с запрещением в последующем проживать в столице. Заступничество Ключевского перед царём привело к сокращению срока вдвое.

В 1905 года Милюков выдвинул идею Учредительного Собрания, которое могло бы покончить с войной и с господствующим политическим режимом; создал Конституционно-демократическую партию (или Партию Народной Свободы); в 1906-м стал соредактором (вместе с Иосифом Гессеном) газеты "Речь", автором почти всех её передовиц; с 1907 года - бессменный председатель кадетского ЦК партии. Депутат 3-4-й Государственных Дум, "лидером думской оппозиции", инициатором создания Прогрессивного блока.

1 ноября 1916 Милюков произнёс в Думе свою знаменитую речь, которая была запрещена для печати, но, размноженная в литографических оттисках, разошлась по стране; Милюков вспоминал: "Я говорил о слухах об "измене", ...о действиях правительства, возбуждающих общественное негодование, причём в каждом случае представлял слушателям решить, "глупость" это "или измена". ...Но наиболее сильное... место речи я замаскировал цитатой "Neue Freie Press". Там упомянуто было имя императрицы в связи с именами окружавшей её камарильи. ...Впечатление получилось, как будто прорван был наполненный гноем пузырь и выставлено на показ коренное зло, известное всем, но ожидавшее публичного обличения".

В 1917 году Милюков принял активнейшее участие в создании Временного правительства, стал министром иностранных дел в первом правительственном составе, выступал за поддержку действий союзников – Антанты: Франции, Великобритании, Италии.

После октябрьского переворота Милюков сразу уехал из Петрограда в Москву, чтобы организовать там сопротивление большевикам, успех которых считал быстротечным.

После установления большевистской власти Милюков отправляется на юг России, но разошелся с позицией лидеров Добровольческого движения и вступил в контакт с командованием германских войск, надеясь таким образом подавить Советскую власть. Кадетский ЦК осудил его политику, и Милюков сложил с себя обязанности председателя.

После Крымской катастрофы Милюков разошелся с подавляющим большинством однопартийцев. Он писал: "С несомненностью для меня выяснилось, что даже военное

освобождение невозможно, ибо оказалось, что Россия не может быть освобождена вопреки воле народа".

В 1920 году он обосновался в Париже и возглавил газету "Последние Новости". Выдвинул тезис об "эволюции советской системы". К этой эволюции он считал необходимым приравливать тактику эмиграции, способствуя разложению советского строя всеми возможными средствами. С начала нападения Германии на СССР Милюков заявил о солидарности с правительством СССР и тяжело переживал поражение Красной Армии.

Он скончался 31 марта 1943 года в Экс-ле-Бэн, на территории свободной зоны Франции.

В этом году исполнилось 150 лет со дня рождения Павла Николаевича.

Мой первый вопрос – одному из организаторов московского коллоквиума Марине Сорокиной. Какую оценку вы как историк дадите фигуре Павла Милюкова?

Марина Сорокина: Фигура Павла Николаевича Милюкова, которому была посвящена наша трехдневная конференция, точнее, коллоквиум - одна из самых заметных, самых интересных, самых противоречивых и, в то же время, одна из самых привлекательных фигур российской исторической и политической истории и мысли. Я не случайно подчеркнула, что мы проводили не конференцию, а коллоквиум. Такая смена названия имеет для нас вполне определенный знаковый характер, поскольку мы стремились провести не обычную, традиционную, историческую, презентационную конференцию, а устроить рабочий, деловой коллоквиум, на котором можно было бы обсудить в профессиональном ключе различные аспекты истории развития и исторической мысли, и развития либеральной мысли в России. При этом, нам очень хотелось, чтобы обе эти линии были представлены не отдельно, а в параллельном и, одновременно, взаимопересекающемся движении.

А наш коллоквиум имел, собственно говоря, три цели. Первая цель -это, конечно, его научный характер. Без получения сухого остатка смешно говорить о каком-либо научном значении того или иного события, мероприятия, коллоквиума, конференции. А вторая цель, конечно, имела вполне определенный просветительский характер. Должна сказать, что я недавно ехала с одной девочкой из очень интеллигентной семьи, и когда мы увидели проезжавший мимо очередной навороченный внедорожник, я пошутила и сказала, что он выглядит почти как тот броневик, на котором выступал Ильич. И мгновенно заметила абсолютное непонимание в глазах ребенка. Услышав мой вопрос, откуда возникло это непонимание, я долго смеялась над ответом, потому что ребенок из хорошей московской семьи сказал вполне определенно: "Марина, ну как же, что же делал Петр Ильич Чайковский на броневике?".

Просветительский характер нашего коллоквиума, несмотря на его абсолютно деловой, профессиональный характер, имел для нас очень большое значение. И поскольку "Дом Русского Зарубежья" - это общедоступное учреждение, соответственно, нам чрезвычайно было, как в театре важна публика, так и нам важно было, чтобы, помимо специалистов, обсуждающих деловые, профессиональные вопросы, присутствовали бы и просто москвичи, которые интересуются тем, что вообще происходит и в исторической науке, и что происходит с либеральной мыслью. Я думаю, что основной научный и просветительский тренд нашего

коллоквиума был очень хорошо выражен в названии доклада нашей коллеги из Швейцарии Корин Амашер - “От какого наследства мы отказываемся”.

И, наконец, третий момент, который был исключительно важен для нас при проведении этого коллоквиума, и не только для нас, если мы вспомним, что Милюков - это фигура политика-собирателя, и в дореволюционные годы, и в послереволюционные годы эмиграции он всегда отличался от всех остальных политиков разного направления: Павел Николаевич был тем человеком, который пытался собрать самые различные коалиции, максимальное количество людей, разделяющих основные ценности и приоритеты либеральной идеи под своим руководством. Так вот, для нас точно так же была важна и третья идея нашего коллоквиума, а именно поддержание научного сообщества, которое занимается историей либеральных идей в России и, разумеется, в эмиграции также.

Поэтому я думаю, что вот из этих трех задач, которые мы перед собой ставили, совершенно ясно, что они проецируются, конечно, на фигуру Павла Николаевича Милюкова, фигуру очень неоднозначную и, собственно, в этом ее интерес, поскольку плоскостные фигуры - всегда проходящие и забываемые, а вот фигура Милюкова, человека, который сумел стать действительно таким фокусом для возможности рассмотрения самых различных проблем в очень широком диапазоне, от конкретного исторического исследования до судеб России, как уходящей империи, этот фокус, конечно, для нас был чрезвычайно важен.

Иван Толстой: С одним из докладов выступил петербургский историк Петр Базанов. Как воспринимался Милюков-историк другими историками-эмигрантами?

Петр Базанов: Павел Николаевич Милюков, в свой эмигрантский период, занимался главным образом политическими вопросами. Надо сказать, что это человек был потрясающей трудоспособности. Представьте себе, каждый день он утром писал новую статью, передовицу для своей парижской газеты “Последние новости”. Мало того, он успевал еще в эти номера написать какую-то рецензию, проблемную статью, отзыв по какому-либо политическому или культурному вопросу, и это при его потрясающей работоспособности и свободном знании 10-12 языков. Милюков одновременно писал и книги. Но, если в доэмигрантский период Милюков писал исторические работы, посвященные не 20-му веку, то все то, чем он занимался в 20-30-е годы, главным образом было связано с революцией, с эмиграцией, с Гражданской войной. Единственное, что выпадает из этой схемы, это переиздание “Очерков по истории русской культуры” в Париже, в 1930-37 году. Все же остальные книги, которые были им в это время написаны, это либо его политическая непосредственно программа, скажем, его знаменитая работа “Национальный вопрос (происхождение национальностей и национального вопроса в России)”. Партийные издания, издание “Свободная Россия”, которое принадлежало Республиканско-демократическому объединению, или “Эмиграция на перепутье”, работа того же издательства. В то же время Милюков пишет и свои знаменитые книги: “История второй русской революции”. Другая из известных книг, чуть попозже, тоже непосредственно относящаяся к Гражданской войне и к революции, это “Россия на перепутье. Большевицкий период русской революции”, как бы своеобразное такое продолжение. “Происхождение и укрепление большевицкой диктатуры”.

Какая реакция, прежде всего, русского научного и политического эмигрантского общества на эти работы? Главное обвинение, от которого Милюков так и не смог избавиться до сих пор,

это то, что эти работы не столько исторические, то есть это не является научно-историческими исследованиями, а что это работы политические. Мало того, нужно указать, что его один из его самых жесточайших критиков и полемистов с ним Сергей Петрович Мельгунов, крупнейший русский историк (если Павел Николаевич Милюков это лидер либеральной Кадетской партии, партии не социалистической, то ближайшая из социалистических партий, по духу, по характеру, умеренно социалистическая, я бы даже сказал, правосоциалистическая партия, Партия народных социалистов и ее лидер, известный историк Сергей Петрович Мельгунов), оба они представители русской академической мысли. И даже до революции, наоборот, Сергей Петрович Мельгунов считался историком более общественным, менее академическим, менее научным. И вот Мельгунов пишет работы, рецензии в своих журналах “На чужой стороне”, “Голос минувшего”, 1924-25 год, которые непосредственно выходят на книги Павла Николаевича, а именно на “Историю русской революции” и “Павел Николаевич Милюков о Гражданской войне и об эмиграции”. Впоследствии даже выходит книга, вернее, расширенный доклад в шести частях, совершенно небывалое дело, чтобы доклад публиковался в шести огромных частях, Сергея Петровича Мельгунова под названием “Павел Николаевич Милюков о Гражданской войне”. И в чем же главное обвинение? В том, что Милюков поступает не как академический исследователь-историк, а в том, что это своеобразная попытка мемуаров, чтобы оправдаться, что делал так, а что делал не так.

Второе обвинение, что книги эти написаны не со взглядов Павла Николаевича Милюкова того времени, а написаны они с совершенно других позиций, написаны они с позиций 20-х годов, когда Милюков провозгласил свою знаменитую “новую тактику”, и, благодаря этому, по новой тактике, Гражданская война, белое движение, а именно военные формирования, выступавшие против Красной армии, признавались ошибочными. По мнению Милюкова и провозглашенной новой тактике, нужно было опираться на крестьянские восстания, массовое сопротивление большевистскому режиму, именно народное. Мол, крестьяне поднимут восстание и свергнут большевистскую власть очень легко на демократических и социалистических лозунгах. А вот белое движение с его четко выраженным кадетским, даже, порой, монархическим характером, было ошибочным.

В результате новой тактики, критики оказались и слева, и справа. Критики слева напоминали всю позицию Павла Николаевича в годы Гражданской войны, критики справа говорили: “Павел Николаевич, но вы же сами один из основателей белого движения”. Обиделись не только те, у кого союзническое было отношение, скажем, Василий Витальевич Шульгин, а обиделись ближайшие друзья по Кадетской партии. Павел Дмитриевич Долгоруков, один из основателей и лидеров Кадетской партии, сказал, что новая тактика Милюкова - это попытка въехать в Россию на “левых ослах”. То есть, как бы перефразируя знаменитую фразу Милюкова о том, что “не знаю, как эмиграция вернется на родину, но точно не на белом коне”. Значит, не на белом коне, а на левых ослах. Подразумевая, что если возвращение будет, то тоже не такое, о котором говорит Милюков в своих работах.

Дальше, что еще происходило с критикой творчества Милюкова? Впоследствии возвращенец, левый по своим взглядам человек, Долмат Александрович Лутохин, известный русский экономист, в том числе специалист по экономике использования бумаги, умерший в блокаду в годы Великой отечественной войны, опубликовал рецензию на “Историю второй русской революции” в эсеровском журнале “Воля России” в 1924 году. Там же, наоборот,

всячески показывается, насколько Милюков не искренен в своем союзе с социалистами. Подобная же критика раздавалась и дальше.

Милюков сам, будучи великолепным рецензентом, великолепным оратором, вмешался в один из крупнейших споров русской эмиграции 20-х годов. Это движение евразийства. И он полностью осудил и политическую канву евразийства, и историографическую, и философское евразийство. Мало того, он великолепно сказал, что “евразийство для нас звучит очень хорошо, а азиопейство, наоборот, очень смешно”. И даже свою статью Павел Николаевич Милюков назвал “О русском азиопействе”. То есть, высмеяв тем самым евразийство. Впоследствии крупнейший историк евразийства, историк с мировым именем Георгий Владимирович Вернадский, тогда уже профессор Йельского университета, ответил на эту статью публикацией в “Новом Журнале”, которая называлась “Милюков и месторазвитие русского народа”, где указал конкретные ошибки Милюкова в критике евразийства.

Такие вот, постоянные указания о неточности, публицистичности Милюкова выдвигались практически всеми историками. Сергей Петрович Мильгунов насчитал в “России на переломе” 85 фактических ошибок, причем крупных фактических ошибок. Подобные же обвинения выдвигались и другими историками. Точно также Бицили Петр Михайлович, крупнейший русский рецензент, в своей статье “Историография Милюкова” указывал основные ошибки. Что же было у Милюкова хорошим? Великолепный публицистический стиль, простота изложения, понятность, Милюкова можно читать даже человеку совершенно ничего не понимавшему в истории, он все будет понимать. Милюков, несмотря на то, что в течение своей жизни постоянно менял политическую тактику, всегда был стратегически либералом, русским патриотом и уверенным западником. Он считал, что Россия рано или поздно пойдет по пути западных государств, и это лучшее, что в России может быть, вся российская история к этому и ведет.

Надо сказать, что критика самого правого лагеря была просто уничтожительной. Над ним издевались, как над человеком, оказавшимся у разбитого корабля, как старуха у разбитого корыта. Вот он, генерал без армии, который в результате потерял все, что имел. Сомневались даже в патриотизме Милюкова, но, делая оговорку, что, может быть, он какую-то Россию, типа университетскую, и любит.

Я процитирую на память русского историка второй половины 20-го века из второй эмиграции, Николая Ивановича Ульянова, который, когда писал некролог на Сергея Петровича Мельгунова, совершенно великолепно сказал о Милюкове: “В Милюкове политик убил историка, а в Мельгунове, наоборот - историк убил политика”.

Иван Толстой: В 1912 году либеральная интеллигенция в России отмечала столетний юбилей со дня рождения Герцена. Уже тогда разные политические партии и их лидеры стремились объявить именно себя достойными продолжателями герценовских заветов. Мог ли именоваться достойным продолжателем Павел Милюков? Доклад “Чье наследство и кто наследники” сделала на коллоквиуме швейцарская специалистка Корин Амашер.

Корин Амашер: Он был особой фигурой, он был фигурой менее радикальной, чем так называемые шестидесятники, как Чернышевский и потом разночинцы, как их называли, он был человеком культурным, образованным, который не хотел во имя цели оправдывать все средства. Культурный человек, который отрицает военное насилие и то, что Милюков называл

фанатическими революционизмом. Если считать, что для Милюкова свобода личности была, конечно, важной идеей, в этом смысле можно сказать, что он в некоторой степени является наследником идей Герцена. Сейчас, конечно, мы уже знаем, что Герцен в своих текстах, прежде всего, в своем тексте, который он написал под влиянием Революции 1848 года во Франции, “С другого берега”, говорил о либералах французских не очень мило и доброжелательно. Поэтому, в этом смысле, конечно, он там критиковал умеренность и трусливость либералов, поэтому все нелиберальные, как социал-демократ Ленин и другие большевики, которые написали некоторые статьи, во время юбилея именно говорили об этом, что Герцен всегда не мог терпеть трусливых либералов.

Но если еще раз говорить о письме Герцена, которое он написал в конце своей жизни, которое он адресовал Бакунину, там он говорит по-другому, что сейчас он уже сторонник умеренности и постепенности. Поэтому это очень сложный вопрос, Герцен - такой человек, который не поддается никакой классификации. Именно поэтому в 1912 году разные политические лагеря увидели Герцена и выбрали то, что им было нужно. И, конечно, Милюков сделал то же самое. Кто прав - Милюков или другие? Это, конечно, вопрос о котором еще спорят сегодня.

Иван Толстой: Выступление московского историка Дмитрия Гутнова называлось так: “Материалы наблюдения за П.Н. Милюковым в Архиве парижской полиции”.

Дмитрий Гутнов: Громадный всплеск эмиграции произошел в 1917 году... Надо себе представлять, что, допустим, в 1927 году, по материалам полицейской статистики, было выдано около 300 тысяч запросов в префектуру парижской полиции о виде на жительство для различных людей, и из них было к 1927 году удовлетворено порядка 150 тысяч. Весь этот массив людей находился в Париже, за ними нужно было каким-то образом сладить, осуществлять, как сейчас говорят, миграционную политику, контролировать настроения в их среде и тому подобное. Поэтому в архиве парижской полиции, так же, как и в других городах, где были центры русской эмиграции - Берлин, Женева и тому подобное, - отложились большие очень массивы сведений именно об этих самых эмигрантах. Тут надо иметь в виду, что полицейские архивы - это своеобразные архивы. Во-первых, это не русские, а французские, иностранные архивы, как иностранцы отсматривали, отслеживали нашу эмиграцию. Это - с одной стороны. Ну и, соответственно, специфический интерес этих людей к нашим эмигрантам. Они интересовались не всеми, а вполне определенными лицами или определенными течениями в среде нашей эмиграции, какими-либо предприятиями наших эмигрантов и тому подобное. Вот поэтому этот весь комплекс материалов и хранится в Архиве парижской полиции.

Иван Толстой: А было ли у французов какое-то особое отношение к Милюкову? Чувствовали ли они какую-то особую значимость этой фигуры?

Дмитрий Гутнов: Они, конечно, чувствовали политическую значимость этой фигуры. Даже если судить по этому досье, там встречается много документов, которые связаны с тем, что Милюков был лидером Республиканско-демократического объединения и был редактором газеты “Последние новости”. Поэтому его выступление, его слово отзывалось в этой среде. Поэтому очень часто вставали вопросы, например, разрешать ли Милюкову произносить речь в какой-либо аудитории, есть ли опасность, что произнесенные речи могут вызвать какие-либо

инциденты в эмигрантской среде или просто прямую драку с монархистами. Поэтому, конечно же, политическая значимость Милюкова в отчетах парижской полиции имела место быть.

Иван Толстой: А какими источниками получения сведений пользовалась парижская полиция?

Дмитрий Гутнов: В основном - агентура. Тут надо иметь в виду, что если говорить о досье Милюкова, то оно родилось не на пустом месте. Как известно, Милюков подвергался несколько раз покушению. Одно было покушение в Берлине, потом еще в Риге. После неудачного покушения на него группой правых монархистов в Берлине в 1922 году, в общем, он боялся. Это то самое покушение, в ходе которого погиб отец писателя Владимира Набокова. Он защищал, как бы прикрыл собой Милюкова. Так вот, вернувшись в Париж, он обратился к французским властям с просьбой о защите. Французы решили его защищать методом негласного наблюдения. Так вот, в течение двух лет за ним велось интенсивное наблюдение, и эти документы, отчеты этих местных наблюдателей и положили начало этому досье.

А позже, поскольку Милюков, как лидер Республиканско-демократического объединения, обращался к властям за разрешениями на проведение тех или иных акций, чаще всего это были лекции, какие-то выступления, дискуссии, и поскольку это были хоть дискуссии эмигрантские, но проводились они в залах под юрисдикцией французских городских властей, то перед префектурой стоял вопрос, не приведет ли выступление Милюкова к какой-нибудь бурной дискуссии, которая кончится мордобоем.

И, наконец, есть еще ряд материалов, связанных с тем, что все-таки значимость Милюкова была такова, что его юбилей, например, 70-летие и 80-летие, праздновались достаточно широко эмигранткой общественностью, и это тоже было событием русской эмигрантской жизни Парижа. Поэтому французская полиция не могла на это не реагировать.

Иван Толстой: Мой коллега Михаил Соколов давно уже профессионально занимается политической историей русской эмиграции. Его выступление на московском коллоквиуме было озаглавлено “П.Н. Милюков в поиске контактов с оппозицией в СССР в 20-е гг. XX в.”.

Мы как-то привыкли за эти десятилетия, что ходоки через границу были кутеповцами, членами РОВСа, и так далее, но вот в ряде последних публикаций и докладов, в частности, в ваших, Михаил, работах, все больше подчеркивается участие левых западных организаций, левой ориентации, их участие в таких вот переходах через границу, в ходьбе на советскую сторону. И вот в вашем докладе на милюковском коллоквиуме вы, в частности, рассказывали об участии и роли в этом Павла Николаевича Милюкова, что достаточно странно для него, по крайней мере, на мой, непосвященный взгляд. Поясните, пожалуйста, какую же роль он играл во всем этом.

Михаил Соколов: Я бы сказал, Иван, что Павел Милюков играл как раз важную роль в этой системе конспиративных действий республиканско-демократических организаций, Республиканско- демократического союза, просуществовавшего пять лет за границей. Собственно, он был спонсором или соспонсором, поскольку он получал деньги от чехословацких властей, и санкционировал деятельность своих коллег по РДС, по вот этому союзу в попытках установить связи с противниками большевистского режима в советской России. Собственно, эти люди были и представителями группы “Крестьянская Россия”, группа

Сергея Маслова, и его собственный сторонник историк Борис Алексеевич Евреинов, очень, между прочим, по всей видимости, со времен Гражданской войны втянутый во всякие конспиративные схемы. Все-таки он был представителем “Центра действия”, тоже не правой отнюдь организации, которая существовала в самом начале 20-х годов, посылала своих эмиссаров через польско-советскую границу в Москву и в Киев, доставляла туда журнал “Новь”. И вот по линии нового проекта в Советский Союз с 1924 года отправлялись некоторые ходоки.

А с другой стороны, некоторые люди, жившие в советской России, поддерживали связь с конспираторами, эмигрантами левого толка. Зачем это нужно было Милюкову? Я думаю, тут были две вещи. Нужно было поддерживать какой-то активистский градус внутри организации, молодежь привлекать этими интересными схемами, и, во-вторых, я думаю, что это связано с чисто журналистской страстью. В конце концов, Павел Милюков был редактором крупнейшей и самой успешной газеты русского зарубежья “Последние новости”, и он, безусловно, хотел для своей эмигрантской аудитории получать сенсационные, интересные, яркие материалы непосредственно из Советского Союза, и кое-что он все-таки получил.

Иван Толстой: Как интересно, Михаил, получается. На поверхности, внешне левый Милюков враждовал с правыми партиями, с правыми группами, которые занимались по существу тем же, чем занимался он. Можно ли сказать, что на поверхности враждуя с правыми, с кутеповцами, с РОВСом, он на самом деле как бы под столом пожимал им тайно руку?

Михаил Соколов: Я бы так не сказал. Все-таки он не поддерживал линию на террор, на какие-то диверсионные акции, которыми отличились, в конце концов, кутеповцы. Ведь кутеповский активизм сдерживался чекистами как раз в рамках организации ТРЕСТ, их от террористических акций удерживали как раз рассказами о той мощной организации, которая создана в советской России, которая вот-вот сама то ли захватит власть, то ли вместе с кающимися большевиками сможет изменить советский режим. В этом смысле Милюков с ними расходился, у него был принципиальный еще вопрос, все-таки он был республиканец, никакого неопределенчества, никакого монархизма он не принимал, и с тем же Сергеем Петровичем Мельгуновым, который пошел на сотрудничество с правыми в рамках журнала “Борьба за Россию”, он находился все время в контрах и в личных, и на исторической почве и, безусловно, на политической, все время мешая своим активным помощникам, соратникам, занимавшимся попытками проникнуть в советскую Россию, установить более тесное взаимодействие с Мельгуновым и с теми республиканцами, которые были готовы сотрудничать с правыми и с монархистами во имя свержения большевизма любой ценой. Так что такого пожатия рук под столом не получалось, но вот этот интерес к советской России, к истинной России, скрытой за железным занавесом, он был точно такой же, как и у правых.

Иван Толстой: А те круги, с которыми ходоки общались на советской территории, насколько они совпадали в милюковском случае и в кутеповском случае?

Михаил Соколов: Я думаю, что это были абсолютно разные люди. Дело в том, что из тех материалов, которые мне удалось получить, установить можно несколько фамилий. Это юрист Нина Васильевна Воленс, она жила в Ленинграде, работала в Академии наук, это был такой бывший эсер Новиков, который считался беспартийным социалистом, бывший социал-демократ Александр Коротков и некоторые другие. Были бывшие члены руководства

Кадетской партии, с которыми пытались установить контакт. Это, конечно, совершенно не та публика, с которой контактировали кутеповцы. Все-таки, если вы вспомните историю кутеповцев, они практически сразу попали под контроль ОГПУ с советской стороны, это была просто советская агентура или просто офицеры спецслужб советских, то есть ОГПУ. А в случае с Милюковым, какое-то время его людям удавалось не только, скажем так, с советскими агентами общаться, но через некоторое время, к 1926-27 году практически все связи Милюкова в Советском Союзе были перехвачены ОГПУ, и фактически все контакты, которые были у Милюкова с Советским Союзом, тоже контролировались советскими чекистами.

Иван Толстой: Насколько в сегодняшней историографии этого вопроса известны документы с советской стороны, со стороны ОГПУ и НКВД обо всех этих контактах и предотвращении всех этих операций эмигрантов?

Михаил Соколов: Иван, вы знаете, история с операцией ТРЕСТ была очень шумная, поскольку ТРЕСТ провалился, и скрывать этот проект советской разведке уже было невозможно. Есть масса версий о причинах, почему так этот сюжет освещался, в конце концов, был снят фильм и некоторые документы рассекречены. Что касается операций, связанных с демократами, то, конечно, документы достаточно разрозненны и случайны, но все-таки ряд реабилитационных дел участников этих событий мне удалось посмотреть. Это, безусловно, не оперативные документы, мы не можем сказать, что существовала какая-то операция ТРЕСТ-3 или ТРЕСТ-4, специально направленная против Милюкова. Но, безусловно, пражская резидентура советской разведки была прекрасно в курсе большинства проектов Республиканско- демократического союза благодаря своим сотрудникам, работавшим внутри пражской антисоветской эмиграции.

Иван Толстой: После нападения Гитлера на Советский Союз Павел Николаевич занял неприкрыто патриотическую позицию, призывая всех, кто готов был его слушать, поддержать правительство Сталина. О природе такой милюковской позиции – петербургский историк Петр Базанов.

Петр Базанов: Это, конечно, продолжение той мысли, которую он высказал 1921 году, “Что делать после крымской катастрофы?”, в которой высказал новую тактику и осудил белое движение. Это первое.

Второе. Милюков, как и большинство русских либералов и русских социалистов, был напуган фашизмом. Поэтому альтернатива Сталин-Гитлер высказывалась им совершенно одинаково. Его знаменитая фраза 1941-42 года, вошедшая практически в пословицы - “вы не за Сталина, значит, вы за Гитлера”, показывает, что никакой альтернативы, никакого третьего пути здесь не осталось. За это Милюкова тоже всячески критиковали. Это не значит, что Павел Николаевич Милюков обожал Сталина и не стал против него высказываться. Это значит, что в данный исторический период, в период Великой отечественной войны, когда Гитлер, и Милюков это прекрасно знал, он прекрасно был знаком с творчеством Гитлера и с его политической позицией, и он прекрасно знал, что Гитлер не будет истреблять только евреев и цыган, а он истребит все славянские народы. поэтому и никакой России при Гитлере существовать не может. При этом Сталина, как Милюков подспудно считал, рано или поздно удастся устранить, и в России восторжествует либерально-демократический режим, поклонником которого он и был. Отсюда все эти поступки Милюкова.

К тому же, не надо забывать, что Павел Николаевич Милюков, либерал закалки конца 19-го века, был человеком с русской империалистической компонентой в своем творчестве, он недаром отстаивал в 1917 году присоединение Босфора и Дарданелл, и все его последующие фразы, что “мне жалко финнов, но нам нужна Выборгская губерния” и “я в тысячу раз больший империалист, чем Сталин” - это все соответствует действительности. Поскольку Сталин был неискренним патриотом, и русский патриотизм использовал в своих корыстных коммунистических или просто тиранических целях. В то время как Милюков действительно считал, что это нужно делать, это и было его непосредственное политическое убеждение

Иван Толстой: Завещание Милюкова – такой теме было посвящено на коллоквиуме выступление историка из Рязани Павла Трибунского. О каком завещании идет речь?

Павел Трибунский: В жизни каждого человека бывает момент, когда приходится задумываться о жизни после тебя. В данном случае речь идет о завещании. Тысячи людей делают это в жизни, может быть, даже миллионы, но меня конкретно заинтересовала история с завещанием Милюкова. Дело в том, что смерть его, пришедшаяся на март 1943 года, произошла на территории Вишистского государства, где он находился на положении беженца без каких-либо средств существования, без каких-либо перспектив на будущее. Впереди стояло два основных вопроса. Первое - это финансово обеспечить свою вторую жену и своего сына от первого брака Николая, а второй момент - это был момент сохранения работ. Потому что даже оказавшись отрезанным войной на юге Франции, Милюков не прекращал ни на день работать. Именно в этот период им были подготовлены “Воспоминания”, в современном издании это два тома по 500 страниц, именно в этот период им была написана по заказу Фонда Карнеги книга “От Николая Второго до Сталина. 50 лет внешней политики России”. Причем, Милюков написал ее на английском языке. Книга тоже до сих пор не опубликована, находится в архиве Гуверовского института. Именно в это время Милюков закончил “Очерки по истории русской культуры”, том первый, часть вторая, и написал целый ряд работ, из которых самую большую известность получила его статья “Правда о большевизме”. Все это делал Милюков болея, развязка не раз к нему приближалась, в первый раз в начале 1942 года, и окончательно Милюков покинул этот мир в марте 1943 года.

Учитывая, что ему в этот момент было 82-83 года, он заботился не только о сохранении своего наследия, но и просто зарабатывал деньги, вы поймете, что ситуация была очень тяжелой. Смерть его в 1943 году - это была сложная задача для тех душеприказчиков, которых он определил в своем завещании. А душеприказчики - люди все известные в русской истории. Прежде всего, Арсений Ступницкий, тот человек, который должен был, по мысли Милюкова, продолжить его политическое дело. Один из видных деятелей Республиканско-демократического объединения, один из авторов “Последних новостей”, Милюков считал его своим приемником. Второй человек - Аминад Петрович Шполянский, более известный под своим литературным псевдонимом Дон Аминадо, известный русский сатирик, тоже человек близкий Милюкову. И, наконец, третий человек - Борис Исаакович Элькин, юрист, не очень успешный, ничем себя шибко не зарекомендовавший, никаких громких дел у него не было на счету, но это был тот человек, кристальная честность которого сделала его очень привлекательной фигурой для стареющих русских либералов. Первым к Элькину в качестве душеприказчика обратился Александр Иванович Гучков в 1936 году, и Элькин блестяще справился с этим делом. Вторым стал Милюков. И вот здесь, казалось бы, банальное дело по

завещанию, приобрело характер полудетектива. Дело в том, что Аминад Петрович Шполянский, хоть и закончил юридический факультет Университета Святого Владимира в Киеве, но юристом был не очень хорошим. Он не учел французское законодательство по наследственному праву, в результате чего завещание Милюкова в том виде, как его составил Аминад Петрович Шполянский, оказалось в противоречии с французскими законами, в результате чего было оспорено Николаем Павловичем Милюковым, сыном Милюкова от первого брака, и на ближайшие девять лет между наследниками развязалась форменная борьба за наследство. Причем, не только деньги, которые остались после Павла Николаевича Милюкова, должны были быть поделены, но и встал вопрос о том, кому будут оставлены рукописи, кому достанутся права на рукописи, право на отдачу того или иного произведения в печать, а, самое страшное, что из трех, как описывают современники, чемоданов рукописей, которые были у Милюкова на момент смерти, до нас дошло только две рукописи.

То есть, мы можем утверждать, что почти три чемодана бумаг Милюкова просто погибли из-за несогласованных действий наследников. Что там было, мы даже не знаем. И вот этот процесс мучительный, долгий...

А почему мучительный? Милюков был, несмотря на то, что его многие в эмиграции не любили, считали одним из виновников Февральской революции, смерти монарха, отречения монарха, но, тем не менее, все ему отдавали должное как человеку умному, честному и правому. И вот здесь нежелание выносить сор из избы, попытка хоть как-то сберечь нравственное лицо лидера русских либералов, заставляли душеприказчиков, а, точнее, одного душеприказчика, потому что и Ступницкий, и Шполянский отказались от своих обязанностей, только один Борис Исаакович Элькин взял на себя труд примирить наследников, а, самое главное, спасти рукописи. Действуя совершенно бескорыстно в этом вопросе, где-то 25 лет Элькин занимался делом Милюковых. Сначала он мирил наследников, дальше пытался спасти рукописи, которые еще остались, пытался их всех пристроить. Только благодаря его самоотверженной деятельности мы имеем возможность читать “Воспоминания” Милюкова, опять же, благодаря его самоотверженной деятельности, мы имеем возможность читать “Очерки по истории русской культуры” том первый, часть вторая. Элькин не только спас эти рукописи, он искал издателя, а, самое главное, он еще и выступил в качестве редактора как воспоминаний, так и очерков. И на всем этом протяжении его деятельность встречала озлобленность со стороны второй супруги Павла Николаевича, которая считала, что ее обманывают, недоверие со стороны Николая Павловича Милюкова, который считал, что Элькин действует в пользу второй супруги, мачехи, он встречал непонимание со стороны своих коллег по юридическому цеху, которые считали, что Элькин ведет себя недостойно, постоянные нарекания в затягивании дела. Вот во всей этой нервной атмосфере чудовищная человеческая трагедия развернулась вот таким, может быть, несколько детективным сюжетом. А самое главное, все это шло на фоне послевоенной разрухи, на фоне послевоенного постепенного восстановления Европы.

Иван Толстой: Рассказом Павла Трибунского о завещании Милюкова мы и заканчиваем наше программу. Выпуск Мифов и репутаций сегодня был посвящен трехдневному коллоквиуму, прошедшему в конце сентября в Москве в Доме русского Зарубежья. В программе принимали участие Корин Амашер, Марина Сорокина, Петр Базанов, Дмитрий

Гутнов, Павел Трибунский и Михаил Соколов. Милюковский коллоквиум - первый из цикла.
Устроители планируют второй коллоквиум посвятить Софье Владимировне Паниной.